

***

Таким образом, этнокультура этноса предстает противоречивым системным единством преемственности и обновления, традиции и новации. Именно такое системное единство традиционных и инновационных элементов в культуре обеспечивает выживание этноса в современной социокультурной и информационной среде. Причем заново приобретаемые культурные формы позволяют этнической группе адаптироваться к новым историческим условиям. Проблема в том, какова та мера, которая позволяет не утратить этнокультурную целостность и качественное своеобразие в новой исторической обстановке.

В ходе подготовки 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства (2012 г.) важны проблемные материалы исследования культуры русской, финно-угорского мира и мордовской, которые образуют некий единый стержень всего разветвленного древа национальной культуры.

А. Б. ПЕРМИЛОВСКАЯ

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕЛЬСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РУССКОГО СЕВЕРА¹

Ключевые слова: Русский Север, сельский культурный ландшафт, историческое торговое поселение, народное зодчество, наследие

Key words: the Russian North, rural cultural landscape, historic trade settlement, folk architectonics, heritage

Русский Север около двух столетий — это устойчивое словосочетание для носителя российского менталитета, понятие, отражающее важные для отечественной культуры смыслы. С одной стороны, в нем фиксируется особая государственная значимость обширной территории на Севере европейской части страны. С другой стороны, несмотря на полиэтничность региона, определение «русский» указывает на исторически сложившееся здесь доминирование славянского типа культуры². Культура Русского Севера — понятие, обретшее вид своеобразной формулы. Оно вызывает ряд устойчивых ассоциаций: просторы, полноводные реки, леса, болота, своеобразная народная деревянная архитектура, отражающая приемы приспособления человека к суровому климату, а также фольклор, народное искусство, местные говоры, которые продолжают традицию древнерусских диалектов. В этом ряду культурный ландшафт занимает ведущую позицию.

Сельский культурный ландшафт — это система, включающая в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру. Особенно полноценно и зримо феномен культур-

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна, ведущий научный сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН, кандидат культурологии (г. Архангельск).

ного ландшафта проявляется в регионах с мощными этнокультурными традициями. Именно таким является Русский Север. В качестве особого региона российского культурного наследия по своей значимости он соотносим с уникальными явлениями мировой культуры. На его территории расположены памятники, представляющие Россию в списке объектов всемирного культурного и природного наследия, сформированного под эгидой ЮНЕСКО. В эпоху всеобъемлющей глобализации и унификации все большую значимость обретает национальная и культурная самобытность. Среди регионов России именно Русский Север во многом сохранил уникальность культуры и традиций русского народа.

Понятие «Русский Север» сформировалось в XIX — начале XX в., когда в науке и искусстве произошло его «открытие». Русский Север стал восприниматься не только как географическое понятие, но и как место развития самобытной модификации русской культуры и особое культурное пространство. Территориальные границы Русского Севера как объекта изучения исторически обусловлены. Обширную территорию Европейского Севера обычно называют Русским Севером или просто Севером. Этот край формировался в тесном контакте с остальными северными территориями, поэтому сущность и значение региона правильнее отражает понятие «Европейский Север», хотя оба названия часто употребляются как синонимы. Исследователи по-разному относятся к границам этого региона, особенно его южной части. Например, существует мнение, что не следует ограничивать понятие «Русский Север» пределами бывшей Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний (иногда даже одной из губерний), а распространить его значительно шире, в первую очередь на территории, которые с исторической точки зрения не могут быть отделены от севернорусского региона. Это северо-восток бывшей Санкт-Петербургской губернии, а также бывшая Новгородская и Тверская, северная часть Костромской губернии. Территориальные границы региона в разные исторические периоды были подвижны, изменяясь во многом под влиянием административного устройства края. В частности, в XIX — начале XX в. они соотносились с территориями Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний, побережья Белого и Баренцева морей³.

Выдающуюся значимость Русский Север как культурный ландшафт обретает и в наши дни в связи с тем, что он представляет собой не заповедник, не музей под открытым небом, а регион живой традиционной культуры, территорию, сохраняющую культурное и природное наследие России. И сейчас еще высока сохранность многих старинных сельских поселений, донесших до наших дней характерную северную и поморскую планировку деревень и сел, архитектуру крестьянского дома, тип хозяйственных построек и сельской усадьбы в целом. Вместе с тем это не музеефицированные объекты, а живые поселения с характерным обликом и традиционной культурой. Сельские поселения Русского Севера хранят уникальное историкокультурное наследие. Они имеют потенциал музейного и туристского развития, востребованный внутри страны и за рубежом⁴. «Между тем, мы должны констатировать, — отмечал Д. С. Лихачев в 1984 г., — в Архангельской области, так богатой памятниками старины, сегодня нет ни одного охраняемого или заповедного селения»⁵.

Актуальность обращения к теме изучения культурного ландшафта Русского Севера связана с проблемами сохранения национального историко-культурного наследия. Эта тема требует также понимания сложности социокультурных процессов, происходящих в последние годы в нашей стране. Комплексный подход к культурному ландшафту как уникальному объекту наследия позволяет определить приоритеты в региональной культурной политике. Важнейшей задачей в связи с этим является согласованность стратегии развития региона с общероссийской и международной теорией и практикой охраны культурных объектов. В свою очередь в формировании государственной культурной политики России необходимо учитывать исторические корни регионального развития, особенности локальных культуроформирующих процессов. Сохранение сельского ландшафта невозможно без сохранения традиционной культуры.

Модель культурного ландшафта удобна для организации и проведения междисциплинарных исследований в силу своей пластичности, поскольку позволяет по-разному расставлять акценты в зависимости от направленности самого исследования. Фиксация на одном из компонентов не исключает, а предполагает учет его связи с другими. Это означает, что

концепция культурного ландшафта позволяет получать достаточно объективные научные результаты⁶. Обращение к теме сельского культурного ландшафта отнюдь не случайно. С одной стороны, сельский ландшафт — наиболее распространенная типологическая категория, с другой — в своей относительной неизменности он сохранился только в периферийных, удаленных от административно-хозяйственных центров регионах⁷. В силу своего «окраинного положения» Русский Север представляет собой уникальный пример сохранности сельского культурного ландшафта. Хронологические рамки нашего исследования охватывают XIX — начало XX в.

Культурный ландшафт Русского Севера — это прежде всего крестьянский ландшафт сельских поселений. По социально-экономическим признакам здесь сложились три основных типа поселения: *погост, деревня, село*. Кроме этих типов, на Русском Севере получили распространение также «*почин*» («*выставка*», «*окол*»), «*слобода*» и «*посад*». Тип расселения отражает архитектурно-пространственную организацию (среду) групп поселений. Характерный для Русского Севера гнездовый тип расселения сложился в XVI—XVII вв., а к XVIII—XIX вв. получил окончательное завершение и развитие. Именно для гнездового типа характерны структурность, внутренняя организованность, подчиненность центру, что привело к созданию известных архитектурно-природных ансамблей.

Базой нашего исследования стали полевые материалы⁸. В контексте изучения традиционной культуры были обследованы поселения, усадебные комплексы, народное жилище, культовые постройки. Кроме того, проведена оценка их современного состояния как объектов культурного наследия. С 2004 г. в рамках научной темы «Исторические поселения Русского Севера» были организованы девять экспедиций. В исследовании использован наш опыт работы по формированию архитектурно-этнографической экспозиции музея деревянного зодчества «Малые Корелы» (1981—2002 гг.).

Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ дает определение исторического поселения. Это «поселение, в границах территории которого расположены объекты культурного на-

следия: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность, имеющие важное значение для сохранения самобытности народов РФ, их вклада в мировую цивилизацию. В историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градостроительные объекты: планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными пространствами, объемно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединенных масштабом, объемом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретенные им в процессе развития, а также другие ценные объекты»⁹.

В Архангельской области сохранился ряд традиционных поселений, являющихся объектами культурного наследия. Это Кимжа Мезенского района; Черевково, Верхняя Уфтюга, Цивозеро, Пермогорье Красноборского района; Ошевенское, Лядины Каргопольского района; Веркола, Сура Пинежского района; Чухчерема, Холмогоры, Ломоносово Холмогорского района; Ненокса, Конецдворье, Нижняя и Верхняя Золотица, Лявля, Ижма, Заостровье Приморского района; деревни Кенозерья и Водлозерья (территория национальных парков «Кенозерский» и «Водлозерский»), Конево Плесецкого района; Верховье, Турчасово, Малошуйка, Пияла Онежского района; Плоское Устьянского района и др. Здесь сохраняются культурный ландшафт, архитектурная среда, культовые ансамбли, гражданская, хозяйственная и инженерная народная архитектура XVIII — начала XX в., традиционная культура. В то же время исследований в большинстве этих поселений не было, они не введены в научный оборот. Соответственно, не поставлен вопрос об охране множества памятников народного зодчества и сельских культурных ландшафтов.

В качестве исследовательского случая («case study») использовано с. Черевково Красноборского района. Исследование построено на самостоятельном экспедиционном об-

следовании в 1897 г., 2005 г., 2010 г.¹⁰, работе с архивными и музейными источниками ГААО, ГАВО, Архангельского областного краеведческого музея, музея «Малые Корелы», Государственного научно-исследовательского музея архитектуры, краеведческих музеев с. Красноборск и с. Черевково и др. В 2010 г. памятники народного зодчества с. Черевково впервые были обмерены экспедицией Института экологических проблем Севера УрО РАН.

Как центр традиционной культуры двинское поселение характеризуют сохранившийся этнокультурный ландшафт; памятники культурной, жилой, хозяйственной, торговой архитектуры XVIII—XX вв.; наличие местных легенд о первых поселенцах, истории возникновения и происхождения названия; семантика этнонимов и топонимов; почитание местного святого Петра Черевковского; бытование традиций старообрядчества. Черевково и деревни бывшей Черевковской волости занимают большую площадь (30 км) на высоком берегу Северной Двины. От реки деревни отделяет широкий пойменный заливной луг шириной 2—4 км с многочисленными мелкими озерами. Первое упоминание об этих местах датировано 11 августа 1519 г., когда «писцы великого князя дали грамоту Михалю Кузьмину сыну Пинегину да Проне Елеину на Боровикову роспашь да Ильину Едому в Черевковской волости»¹¹. Первое комплексное описание Черевково как места торговой жизни региона, где существовали традиции ежегодных ярмарок, дает Писцовая книга 1626 г. писца Никиты Вышеславцева и подъячего Аггея Федорова¹².

Черевковская волость Великоустюжского уезда объединяла в это время 193 деревни. Это были небольшие поселения от 1 до 9 дворов. В 1896 г. на территории волости было более 50 торговых заведений, принадлежавших крестьянам и церкви. Черевковский погост — центр торговли, среди сельских торжков уезда он занимал первое место. Двинские крестьяне не только поставляли продукты своего труда на рынок, но и покупали привозные товары: соль, треску, палтус, мед, пряники, орудия сельского труда, одежду, посуду. Богатые семьи приобретали заграничные товары: сукна аглицкие, шелк, бисер, гребни слоновые¹³. Мелкие товары по деревням разносили разносчики-офени — «кузовники» (пешие торговцы с кузовами). На ярмарках ходили шарманщики, гадалышки с попугаями, китайцы с игрушками, водили медвежонка на цепи.

Кроме торговли, в лавках развевывалась торговля с возов. Крестьяне-кустари продавали гончарную посуду, деревянные ушаты, шайки, бочонки, сани, грибы и ягоды. В воскресенье Великого поста с возов продавали гороховый кисель, горячие оладьи, жареную телятину. На торжке в июле проводился наем рабочих: *казаков*, *казахих*, *нянь*. В определенном месте устраивался *скотный* базар. В праздничные дни бойко торговали питейные заведения. В летнее время товары в Черевково завозились парходами и баржами. Из Архангельска привозили соленую и сушеную морскую рыбу, из Устюга — промышленные товары, водку и вино. В Черевкове жили и имели лавки несколько крупных торговых семей.

В XIX в. социальная дифференциация крестьянства была характерна для всего Русского Севера, особенно для Подвиги с его активной экономической и торговой жизнью. Выделяется часть богатых крестьян, занимающихся торговлей. В настоящее время Черевково сохранило облик торгового двинского поселения. Комплекс лавок, амбаров, складских помещений, построенных в традициях русского деревянного зодчества XIX — начала XX в., расположен на окраине села, например, амбар-лабаз А. И. Пирогова (1916 г.) — торговое здание в виде пропорционального четырехстенка с большими воротами на главном фасаде в два этажа. Торговая постройка состоит из четырех отсеков с дверями, которые закрываются изнутри и снаружи. Длина амбара составляет 20 м, на боковом фасаде находится длинная двухэтажная галерея с точеными столбиками-балясинами, на нее выходят отдельные складские помещения. На главном фасаде второго этажа находится контора приказчика. Особую красоту амбару придают изящные резные в стиле барокко наличники окон первого и второго этажа и мезонины, окрашенные в белый цвет. Рядом находятся торговые ряды из четырех секций, также принадлежавшие А. И. Пирогову (1906 г.). Помещение использовалось как магазин и лавка, часть сдавалась в аренду. На окраине поселения находится амбар-магазин. Это большое помещение для хранения зерна было построено черевковскими крестьянами в 1927 г. на общественные деньги. Два двухэтажных прямоугольных сруба поставлены рядом, перекрыты четырехскатной кровлей. Помещение имеет два отдельных входа, один из которых используется как

вход-въезд. По уровню второго этажа под кровлей по всему зданию устроены прямоугольные, вытянутые окна-продухи, напоминающие окна-бойницы. Амбар-магазин имеет четкие пропорциональные линии, отличается качеством плотницкой работы и хорошей сохранностью.

Народная жилая архитектура представлена уникальными домами торговых крестьян Гусевых. Они отправляли в Архангельск баржи с мясом, кожами, маслом, поставляли мясо на экспорт в Англию, Голландию и Германию, завозили в Черевково морскую рыбу. Семейное дело развивалось быстро: в 1907 г. годового оборот составлял 123 000 руб. В конце XIX в. семье принадлежали восемь домов, в настоящее время сохранились три постройки.

Дом М. С. Гусева (1886 г.) стоит недалеко от дороги и является своеобразной визитной карточкой Черевково. Гусевы — пример большой крестьянско-торговой семьи. Михаил Семенович и Анна Федоровна имели

четыре сына и двух дочерей. Родовой дом состоит из 14 жилых комнат на двух этажах. На главный фасад выходят 13 окон, на боковые — по 24 окна. Первый этаж — пятистенок, второй — шестистенок с заулком. Обшивка дома имитирует кирпичную кладку. Подлинное велико-

Дом М. С. Гусева (1886 г.)
Фото А. Б. Пермиловской

пие представляют уникальная резьба главного фасада, декор крыльца. На главном фасаде — балкон полуовальной формы с шестью колонками. Они украшены рельефной резьбой растительного характера и поддерживают арочный балкон. Верхняя лицевая часть балкона имеет имитацию резного балдахина с кистями. Особую ценность дому придает редкая по красоте резьба подбалконной плоскости, представляющая

собой сложный растительно-вьющийся орнамент. Резьба выполнена на высоком профессиональном уровне в традициях деревянных барочных иконостасов Русского Севера. Можно предположить, что она сделана церковными мастерами. Геометрическая резьба (ромбы, цветочные розетки) украшает интерьер сеней: лестницы и дверей.

Рядом находится дом брата И. С. Гусева. Это двухэтажный шестистенок с 14 окнами по главному фасаду. Оба дома, вероятно, построены одной плотницкой артелью. Подтверждением этому является обшивка, имитирующая кирпичную

Дом И. С. Гусева (конец XIX в.)
Фото А. Б. Пермиловской

Третий дом семьи Гусевых повторяет планировку родового дома, но он значительно скромнее по декоративному решению. Несомненно, дома торговых крестьян Гусевых сформировались под влиянием городской архитектуры, что отразилось в большом количестве жилых помещений, декоративном убранстве экстерьера и интерьера, но при этом они сохранили традиционную планировку народного жилища.

В центре Черевково — каменная Троицкая церковь (1727 г.) с двумя пристроенными позднее приделами. Этот тип храма был распространен в г. Великом Устюге, с которым волость связывали прочные экономические и административные отношения. В основе церкви — ярусная композиция

кладку, а также общие приемы декора: форма и резьба балкона с декорацией резным балдахином и кистями, наличники и причелины. Наружная решетка балкона — кованая. Второй балкон выходит на задний фасад, где сохранились следы примыкания взвоза для лошади на поветь.

типа «восьмерик на четверике», ведущая происхождение от деревянных храмов. В 1658 г. на погосте была построена деревянная часовня, посвященная местному святому Петру Черевковскому. Часовня со временем обветшала и дважды реставрировалась: в 1859 г. и в 1991 г. Это довольно просторное помещение клетского типа. В настоящее время к основному помещению пристроен алтарь, часовня имеет статус храма, где ведется богослужение. В алтарной части установлена рака Святого Петра Черевковского. На

Часовня Святого Петра Черевковского (1658 г.)
Фото А. Б. Пермиловской

окраине поселения на берегу р. Лудонги находится региональный памятник природы — кедровая роща. Это искусственно посаженная роща сибирского кедра, ее посадил крестьянин Ф. С. Мокеев в 1883 г. Предметы повседневной бытовой культуры Подвинья представлены в экспозиции музеев с. Черевково и с. Красноборск.

Черевково, безусловно, представляет интерес как историческое торговое поселение Русского Севера, центр традиционной культуры Подвинья. Его необходимо включить в перспективный ресурс «изучения, сохранения и использования» объектов культурного и природного наследия Архангельской области с перспективой его сохранения как «достопримечательное место» муниципальной / регионального уровня. В сохранении, с обязательной постановкой на местную (муниципальную) категорию охраны, нуждаются дома Гусевых. В настоящее время на местной охране находятся амбар-магазея, амбар-лабаз Пирогова, на федеральной — Троицкая церковь (в аварийном состоянии) и Петровская часовня.

Следует рассматривать традиционные поселения Архангельской области как ресурс социально-экономического развития региона, возрождения сельских территорий, народной культуры, развития туризма, строительства объектов туристической инфраструктуры. Развитие этого ресурса представляет возможность сформировать адекватную систему защиты традиционных поселений и сельских культурных ландшафтов Русского Севера как объектов наследия, предложить пути их развития и освоения, вдохнуть жизнь в сельские территории, создать дополнительные рабочие места, увеличить ценность и значимость территории для ее жителей. Наследие Архангельской области в форме сельских поселений может и должно восприниматься как шанс и ключ для развития территории, духовный очаг в культурном пространстве региона. Включение понятия «наследие» в систему деятельности государственных, правовых и общественных структур означает смену парадигмы по отношению к прошлому и исторической памяти, дает возможность говорить не только о сохранении, но и о развитии и освоении культурного наследия региона. Наследие — это не только раритет и дополнительная забота местной администрации, а один из факторов, стимулирующих социально-экономическое развитие, в ряде случаев — ресурс, который может определить его хозяйственную деятельность. Наследие становится фундаментальным понятием, отражающим жизненность многих аспектов современного общества и его надежды на будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование осуществлено при поддержке гранта РГНФ «Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий. XIX — начало XXI вв.», проект № 1001 00470 — А.

² См.: Базарова Э.Л. Система расселения как процесс освоения территории // Культура русских поморов. М.: Научный мир, 2005. С. 90.

³ См.: Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.; Ее же. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.

⁴ См.: Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура Русского Севера» // Наследие и современность: информ. сб. М., 2004. Вып. 12. С. 22—30.

⁵ Лихачев Д.С. «Русский Север... Я зачарован им до конца моих дней»: из творческого наследия. Архангельск, 2006. С. 81.

⁶ См.: Калуцков В.Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009. С. 25.

⁷ Кулешова М.Е. Функционально-планировочная организация крестьянских культурных ландшафтов Кенозерья // Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 248.

⁸ Материалы хранятся в архивах Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (1981—2002), Института экологических проблем Севера УрО РАН (2002—2010).

⁹ Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. URL: <http://femida.info/51/ooknpiik012.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

¹⁰ См.: Архив АГМДЗиНИ «Малые Корелы». № 1903. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Красноборский район, 1987. 10 л., 6 чертежей; Архив ИЭПС УрО РАН. Пермиловская А.Б. Отчет по экспедиции в Красноборский и Котласский районы Архангельской области, Великоустюжский район Вологодской области, 2005. 10 л., 320 фото; 2010. 16 л., 890 фото.

¹¹ РГАДА. Ф. 1187 Троице-Гледенский монастырь. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3237. Л. 1; Цит. по: Щипин В.И. История Черевковской волости. Красноборск, 2008. С. 15.

¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 507. Л. 47 об.

¹³ См.: Тупицын С.И. Страницы истории земли Красноборской // Земля Красноборская: страницы истории и культуры. Архангельск, 1991. С. 43.

Поступила 18.01.11.

АННОТАЦИИ

Е. У. Байдаров. Центральная Азия: проблемы и противоречия интеграции.

В статье рассматриваются проблемы и противоречия интеграционных процессов государств Центральной Азии. Региональная интеграция характеризуется как безальтернативный путь к стабильности, прогрессу, экономической и военно-политической безопасности, а также к росту авторитета Центральной Азии в мировом сообществе. Делается вывод о том, что углубление интеграции на региональном уровне становится одним из важных путей преодоления глобального кризиса.

Е. А. Когай, К. А. Комков. Повышение имиджа региона как задача социокультурной политики.

В статье анализируется проблема разработки проекта по продвижению позитивного имиджа Курской области на межрегиональном, федеральном и международном уровнях. Обозначены задачи повышения роли символов в продвижении региона в коммуникационном пространстве, выявлена роль СМИ в этом процессе, обозначены типы элементов «имиджевой привлекательности». Затронута также проблема использования культурного наследия в качестве фактора социально-экономического развития региона.

М. Ф. Глухова. Инфраструктура региональной молодежной политики: основные признаки и типологии.

В статье рассматриваются особенности инфраструктуры молодежной сферы в рамках функционирования регионального компонента государственной молодежной политики. Обозначены предпосылки развития инфраструктуры регионального уровня, выявлены ее специфические признаки. Предпринята попытка исследования инфраструктуры через создание типологии региональных учреждений по работе с молодежью.

В. П. Миничкина, С. С. Артемьева. Индикативное планирование как механизм выравнивания различий в уровнях социально-экономического развития регионов.

В статье дается обоснование восстановления плановых начал в экономике Российской Федерации и ее субъектов, создания альтернативных процедур согласования действий государства и хозяйствующих субъектов, адекватных рыночному хозяйству. Рассматриваются административные и нормативные методы государственного регулирования, предлагается выработка основ методологии и методики индикативного планирования, включая нормативно-правовое обеспечение.

В. И. Добрынина, А. С. Ляховец. Города современной России: урбанизационный подход.

В статье рассмотрены проблемы, связанные с урбанизационными процессами в России советского и постсоветского периодов. Представлена типология российских городов, выявлены тенденции ее изменения в условиях радикальных перемен, характерных для российского общества последних двух десятилетий.

Е. А. Ермолаева. Информационная среда управления малого города: состояние, проблемы и тенденции развития.

На основе результатов прикладного социологического исследования анализируется современное состояние информационной среды управления Губкинским городским округом Белгородской области, рассматриваются ее проблемы, а также намечаются перспективы развития.